

Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро- французских отношениях в начале 2020-х годов

Василий Александрович Кузнецов, Государственный академический институт гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

Анастасия Игоревна Василенко, Государственный академический институт гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

Контактный адрес: vasiakuznets@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению проблемы колониального прошлого в алжиро-французских отношениях. В начале 2020-х гг. поднятый вопрос приобрел особое значение по трем причинам. Во-первых, в контексте трансформации глобального миропорядка и глубоких общественных расколов, охвативших многие восточные и западные общества, на первый план в общественных дискуссиях стали выходить вопросы исторической памяти, внешней и внутренней деколонизации. Во-вторых, приход к власти во Франции Э. Макрона ознаменовал попытку серьезной трансформации внешней политики страны, укрепления ее позиций в мире, особенно в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. С этим были связаны (в основном неудачные) инициативы Э. Макрона по ливанскому кризису, по палестино-израильскому и ливийскому урегулированию и по поиску решений накопившихся противоречий с Алжиром.

В-третьих, приход в Алжире к власти А. Теббуна в 2019 г. также придал новый импульс развитию внешней политики страны и создал условия для пересмотра отношений с Францией.

В этих обстоятельствах появилась идея подготовки докладов, посвященных возможностям преодоления негативного колониального наследия в двусторонних отношениях. Алжирская сторона официально доклада не представляла, а французский текст был подготовлен Б. Стора к январю 2021 г. и вызвал широкий резонанс. Целью настоящей статьи является уточнение французского подхода к проблеме примирения с Алжиром на основе анализа текста этого доклада и материалов последовавших за ним дискуссий. Статья написана с использованием метода «медленного чтения» источника и основную ее часть составляет подробный разбор доклада Б. Стора, после чего следует обзор вызванной им дискуссии. Результатом такого подхода становится не только выявление широко обсуждаемых противоречий в вопросах исторической памяти (как между Алжиром и Францией, так и внутри французского общества), но и определение некоторых неочевидных проблем французского восприятия этой проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Франция, Алжир, колониализм, историческая память, Бенжамен Стора, война за независимость Алжира, Алжирская война

20 января 2021 г. французский историк Б. Стора представил¹ французскому президенту Э. Макрону подготовленный по его просьбе доклад «Вопросы памяти, относящиеся к колонизации и алжирской войне», который должен был, по замыслу главы государства, открыть новую страницу в двусторонних франко-алжирских отношениях.

Буквально за месяц до этого Б. Стора принимал участие в организованной в Центре арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» с докладом «Франция – Алжир: раны истории». Комментируя подготовку доклада, он отметил: «Я понимаю, что с обеих сторон Средиземного моря меня будут критиковать, но я продолжаю эту работу. Французы будут говорить: не трогайте это! А с алжирской стороны будут говорить, что не слишком-то вы обвиняете французских страшных колонизаторов и так далее. Я знаю, что есть люди, которым войны исторической памяти уже надоели и которые хотят углубиться в сложное изучение истории... Сегодня именно это нам нужно...»². Как мы увидим далее, опасения профессора Б. Стора оказались небеспочвенными.

В настоящей статье, основываясь на анализе текста доклада и вызванной его публикацией дискуссии, мы попытаемся не только показать содержание «войн памяти» между двумя странами, но и выявить наиболее проблемные моменты преодоления колониального наследия. Предлагаемый анализ проводится с использованием метода «медленного чтения» (*close reading*) – общепринятого в литературоведении и литературной критике, однако редко применяемого в современных политических исследованиях.

Предыстория появления доклада была описана российскими арабистами М.А. Сапроновой и В.В. Орловым в статье «“Колониальное наследие” в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее?»³, которая увидела свет буквально накануне подготовки документа Б. Стора и потому может служить своеобразным «приквелом» к настоящей публикации. Помимо этой статьи, к проблеме французско-алжирских отношений в последние годы обращались такие авторы, как Г.Н. Канинская⁴ и Е.А. Прусская⁵.

Важное значение имеют работы, позволяющие ввести проблему французско-алжирского диалога об исторической памяти в более широкий контекст. Среди них: «Вопросы культуры и идентичности в современной Франции: проблема примирения колониального прошлого с реальностью настоящего», опубликованная К. Адамсон в 2006 г.⁶, «К постмодернистскому национальному нарративу? Мемориал Алжирской войны и современный французский ландшафт памяти» А. Браззодуро 2019 г.⁷, «Кто контролирует прошлое, контролирует

1 “France – Algérie : les 22 recommandations du rapport Stora (France – Algeria: the 22 Recommendations of the Stora’s Report),” *Le Monde*, January 20, 2021, accessed May 1, 2023, https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/01/20/france-algerie-les-22-recommandations-du-rapport-stora_6066931_3212.html.

2 Лекция Б. Стора «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» // Youtube. 29 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/dQODGXcJ2_s (дата обращения: 09.05.2023).

3 Сапронова, Орлов 2020.

4 Канинская 2014.

5 Прусская 2021, 2021а.

6 Adamson 2006.

7 Brazzoduro 2019.

будущее: как Алжир манипулировал историей и легитимизировал власть, используя конституционные хартии и законодательство» Ф. Тамбурины 2021 г.¹

Этот список можно продолжить – в конце концов, как во французском, так и в алжирском обществах проблема колониального наследия и вопросы двусторонних отношений много раз становились предметом анализа. При этом едва ли не наиболее авторитетным в мире специалистом по данной проблематике на сегодняшний день является автор рассматриваемого нами доклада.

Родившись в Константине в еврейской семье в 1950 г.², Б. Стора оказался среди тех евреев, которые были вынуждены покинуть территорию Алжира после обретения государственной независимости³. Автор трех десятков монографий, посвященных памяти об алжирской войне, выдающимся деятелям алжирского национально-освободительного движения, алжирским иммигрантам во Франции и истории иудео-мусульманских отношений, он оказался одним из первых французских историков-магрибистов, активно привлекавших в своей работе устные и аудиовизуальные источники. Кроме того, уже став заслуженным ученым, он активно занимался просветительской деятельностью, участвуя в создании ряда документальных фильмов, в организации выставок и музеев⁴. Наконец, оказавшись частью французского научного истеблишмента, в 2010-е гг. он довольно активно взаимодействовал с политическим руководством, выступая советником и Ф. Олланда, и Э. Макрона. Многие моменты из личного опыта Б. Стора нашли свое отражение в подготовленном им докладе.

Доклад Бенжамена Стора: опыт чтения

Доклад Б. Стора⁵ состоит из введения, трех разделов («Эффекты памяти», «Отношения Франции с Алжиром» и «Проблемы, которые надо преодолеть» – около 30 страниц каждый), заключения, рекомендаций, длинного списка благодарностей и нескольких приложений. Приложения включают в себя соответствующие теме речи четырех французских президентов (Ж. Ширака, Н. Саркози, Ф. Олланда и Э. Макрона), описание некоторых проектов сотрудничества между двумя странами, инициированных гражданскими обществами, описание архивов, в которых хранятся документы, касающиеся рассматриваемой проблемы, и коммюнике Четвертой сессии межправительственного Алжиро-Французского комитета высокого уровня⁶, проходившей в 2017 г. Заканчивается доклад краткой библиографией, содержащей упоминания в основном работ французских историков или же изданных во Франции книг.

1 Tamburini 2021.

2 "Biographie. Benjamin Stora (Biography. Benjamin Stora)," Université Sorbonne Paris Nord, accessed May 5, 2023, <https://benjaminstora.univ-paris13.fr/index.php/biographie/505-biography.html>.

3 "Une enfance à Constantine, par Benjamin Stora (A Childhood in Constantine, by Benjamin Stora)," Constantine, accessed May 5, 2023, http://www.constantine-hier-aujourd'hui.fr/LaCulture/Enfance_Constantine.pdf.

4 Catherine Simon, "Benjamin Stora: mémoires vives (Benjamin Stora: Living Memories)," Le Monde, February 3, 2010, accessed May 8, 2023, https://www.lemonde.fr/culture/article/2010/02/03/benjamin-stora-memoires-vives_1300575_3246.html.

5 Stora 2021.

6 "Quatrième session du Comité intergouvernemental de haut niveau franco-algérien (Fourth Session of the French–Algerian High-Level Intergovernmental Committee)," Le Service d'Information du Gouvernement, December 11, 2017, accessed May 9, 2023, <https://www.gouvernement.fr/communiqu/9821-quatrieme-session-du-comite-intergouvernemental-de-haut-niveau-franco-algerien-cihn>.

Первое, чем привлекает внимание доклад – это специфика изложения материала, которая подчеркивает индивидуальный стиль историка, словно субъективирующего поставленную перед ним задачу. Введение начинается со слов: «В июле 2020 г. президент Республики поручил мне написать доклад о мемориальных вопросах, связанных с колонизацией и войной в Алжире». Далее автор не раз обращается к личному опыту – сначала вспоминает о документальных фильмах, в подготовке которых принимал участие¹, затем ссылается на свои труды², дает личные рекомендации³, цитирует собственное интервью⁴.

Такой подход заставляет воспринимать доклад прежде всего как выражение частного мнения авторитетного историка. Ссылка на президента при этом, повышая значимость текста в глазах читателя, все же не дает возможности относиться к нему как к отражению официальной позиции французского руководства.

На такое восприятие влияет также и вторая особенность текста – наполненность его многочисленными поэтическими метафорами и эмоциональными выражениями. Бесконечные «раны прошлого», «исторические травмы», риторические вопросы, несомненно, могли бы украсить любое сочинение по истории и в целом соответствуют французской традиции академического письма, однако подчас затемняют аналитическую составляющую, тем более что большинство из этих выражений никак не определяется в тексте. В чем состоят эти раны прошлого, насколько упоминаемый опыт действительно травматичен, до какой степени описываемые проблемы памяти определяют современное самоощущение тех или иных групп – это остается за пределами аналитического объяснения, и читателю остается только верить, что все это действительно имеет значение.

Наконец, сама избранная автором манера изложения материала резко отличает представленный текст от обычных политически ориентированных аналитических документов – от первой до последней буквы доклад остается сочинением историка, который видит свою задачу не в системном, а в историко-генетическом анализе текущего состояния проблемы. В первых двух частях Б. Стора показывает, какую роль играл вопрос о памяти в двусторонних отношениях с момента обретения Алжиром независимости, описывает французскую историографию проблемы, отслеживает, как менялось отношение к проблеме во Франции на протяжении нескольких десятилетий, чтобы в конце прийти к анализу отдельных ее аспектов на современном этапе. При этом уже заявленная в начале текста известная субъективность анализа позволяет автору выбирать эти аспекты более или менее произвольно, просто опираясь на свой профессиональный опыт.

Возможно, избрание диахронического подхода с элементами реконструкции исторического нарратива было подсказано автору его профессией историка, а не политического аналитика, однако результатом такого подхода становится довольно своеобразная картина. В ней французское общество идет по трудному

1 Stora 2021, 12–13.

2 Ibid., 17, 39.

3 Ibid., 68, 91.

4 Ibid., 81.

пути преодоления травм колониального прошлого навстречу примирению с Алжиром, причем приход к власти президента Э. Макрона позволяет продвинуться на этом пути дальше, чем когда бы то ни было ранее¹.

Часть первая: забыть нельзя помнить

Первая часть доклада – «Алжир: невозможность забвения» – начинается с утверждения значимости вопросов исторической памяти в современных и будущих француско-алжирских отношениях. Отмечая, что сохраняющиеся противоречия в оценках общего прошлого не позволяют сегодня говорить ни об общем учебнике истории, ни о подписании договора о дружбе, Б. Стора утверждает, что «в этих непрекращающихся спорах можно увидеть разрушение планов на будущее между двумя странами»². В подтверждение этого тезиса он тут же приводит яркую цитату Р. Драи³ – выходца из еврейской общины Константины: «Я никогда не отказывался от идеи не то что возвращения в Алжир, а примирения с Алжиром, который стал независимым. Я всегда считал свой отъезд из Алжира глубоко несправедливым. Наказанием за ошибку, которую я лично не совершал. При этом я не пытался возложить ее на других, я приписывал это иррациональности Истории, ее жестокости... Я долго размышлял о трагедии, которую мы пережили. Трагедию, которую всегда рассматривал в перспективе этого примирения»⁴.

Обращает на себя внимание то, как подается в этом самом первом фрагменте текста проблема памяти. На формальном уровне она интересует Б. Стору как фундамент *будущего двусторонних отношений* – так он представляет ее в этом тексте и с таким ее восприятием была связана изначальная идея подготовки документа. Однако в реальности, едва провозгласив такой подход, он тут же от него отказывается – именно поэтому не идет речи ни об общем школьном учебнике, ни о договоре о дружбе, а сама проблема иллюстрируется словами выходца из еврейской общины Константины, «всегда считавшего свой отъезд из Алжира глубоко несправедливым». Понятно, что если во Франции эта цитата вполне может вызывать сочувствие, то в Алжире она воспринимается иначе. Пусть в отношении прав «черноногих» (*pieds-noirs*)⁵ и харки⁶ правительство Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) еще участвовало в каких-то дискуссиях, однако речи о возвращении евреев по большому счету никогда не шло⁷, а нормализация отношений между Марокко и Израилем в 2020 г. сделала эту тему особенно чувствительной.

1 Stora 2021, 57.

2 Ibid., 5.

3 Рафаэль Драи (*Raphaël Draï*) 1942–2015 – французский политолог, социолог, религиозный мыслитель, происходил из еврейской общины Константины, покинул Алжир в возрасте 19 лет. Автор двух десятков работ по истории и философии иудаизма, философии права, биоэтике и госуправлению. Выступал горячим сторонником межрелигиозного диалога. В 2000 г. вместе с певцом Э. Масиасом посетил Алжир, чтобы помолиться на могиле алжиро-еврейского певца Шейха Раймонда Лейриса, убитого в 1961 г. Визит встретил непонимание алжирской стороны. По следам поездки Драи опубликовал «Письмо президенту Бутефлике о возвращении “черноногих” в Алжир» (См.: Draï 2020).

4 Stora 2021, 5.

5 «Черноногие», или *pieds-noirs* – принятое название европейского населения Алжира в период колониализма.

6 Харки – арабо-алжирцы, сражавшиеся на стороне Франции в войне за независимость.

7 Впрочем, в начале президентства А. Бутефлики были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Так, 6 июля 1999 г. в речи, посвященной 2500-летию Константины, президент признал значительный вклад еврейской общины в историю страны. Это вызвало некоторый энтузиазм, проявлением которого стала поездка в страну Р. Драи. Вскоре, Впрочем, импульс к сближению угас. См.: Guedj 2012.

Переходя вслед за этим к разделу «Уникальность конфликта», автор переключается с вопроса о значимости исторической памяти для отношений между двумя странами на ее значимость для каждой из сторон в отдельности – теме, которая его действительно интересует. Здесь он формулирует, пожалуй, наиболее важный тезис всего доклада. Если бы рассматриваемая проблема была всего лишь вопросом двусторонних отношений, ее можно было довольно легко разрешить, однако на практике это внутренняя проблема французского общества, более 10% которого (а на самом деле, возможно, и больше, если рассматривать алжирский случай как модель для преодоления колониального наследия) связывает с ней свою идентичность. При этом эти 10% вовсе не гомогенны – среди них выделяются «черноногие», алжирские евреи, берберы, харки, ветераны французской армии и их потомки, алжирские иммигранты последних волн, левые – каждая из этих групп опирается на собственные сюжеты об Алжире¹. Формирование множества несводимых друг к другу нарративов обозначается Б. Стора как коммунитаризация памяти², и именно на ее преодоление, по его мнению, должны быть направлены дальнейшие усилия правительства и гражданского общества Франции. При этом автор пытается показать процессы трансформации памяти в двух странах во многом как параллельные.

Он отмечает, что если для Франции алжирская война была войной гражданской, протекавшей в трех департаментах республики, то в Алжире она называется «революцией»: «Она до сих пор отмечается как акт основания нации, восстановившей свои права суверенитета посредством “освободительной войны”»³.

На самом деле это весьма спорный и внутренне противоречивый тезис: нельзя утверждать одновременно, что нация была в ходе войны основана и что она в это же время *восстановила* свой суверенитет⁴. Такое нарушение логики, по всей видимости, во многом воспроизводит противоречивость самого алжирского нарратива⁵, в рамках которого декларировавшийся еще первым поколением борцов за независимость тезис о формировании нации в процессе антиколониальной борьбы сосуществует с представлением о древней истории страны, непрерывности и преемственности ее наследия от Античности до наших дней.

Третий, наиболее распространенный в профессиональной среде специалистов по Алжиру⁶ вариант отношения к роли антиколониальной борьбы в Алжире в становлении нации заключается в следующем. Борьба рассматривается как ключевой фактор формирования не нации, но только политической системы,

1 В вышеупомянутой лекции Б. Стора предлагал следующие данные. Практически все мужчины старше 80 лет, родившиеся во Франции, прошли через алжирскую войну (до 1,5 млн чел.); «черноногие» – 600–800 тыс. чел., включая более 130 тыс. алжирских евреев, и их потомки; харки – более 100 тыс. чел. и их потомки; иммигранты из Алжира – ок. 400 тыс. на момент окончания войны и их потомки. Помимо этого речь может идти и о более поздних волнах иммиграции.

2 Stora 2021, 7.

3 Ibid., 8.

4 В ходе упомянутой ранее конференции этот вопрос обсуждался. Довольно длинный ответ историка сводился к тому, что в момент прихода в Алжир Франции алжирская нация находилась в процессе становления – у местных жителей уже было развито чувство патриотизма и существовало представление об Алжире как своей родине, однако нации как таковой все же еще не было.

См.: Лекция Б. Стора «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» // YouTube. 29 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/dQODGХcJ2_s (дата обращения: 09.05.2023).

5 См. например: Issaad 2022.

6 Tamburini 2021.

а память о ней – как важнейший инструмент легитимизации закрытой политической элиты.

Из этих трех вариантов восприятия наследия войны Б. Стора, в сущности, устраивает лишь первый (хотя и другие два он вполне осознает). При втором подходе позитивные элементы колониализма оказываются незначительными, а роль Франции исключительно негативной – речь в таком случае может идти не о примирении, а исключительно о признании вины французской стороной. В рамках же третьего подхода на первый план выходит асимметрия восприятия. Там, где во Франции память о войне оказывается исключительно вопросом идентичности и гражданского согласия, в Алжире она становится вопросом стабильности политической системы, а следовательно, примирение не может быть достигнуто усилиями гражданских обществ.

Таким образом, редуцируя сложность воспоминаний о войне для алжирского общества до политически приемлемого тезиса, историк обретает некую точку опоры. Отталкиваясь от нее, в следующих абзацах он показывает параллелизмы исторической памяти в двух странах:

«Этот эпизод также переживается [в Алжире] как глубокая травма: массовое перемещение сельского населения, практика пыток, произвольное интернирование и коллективные казни. Единогласное поминовение не затрагивает внутренних разногласий алжирского национализма, в частности, трагических столкновений между сторонниками старого лидера М. Хаджа¹ и Фронтом национального освобождения (ФНО)² (столкновения между двумя организациями, ФНО против АНД³, приведут к гибели нескольких тысяч человек в иммиграции во Франции и среди *маки* в Алжире); или жестоких репрессий против харки – сил, верных Франции».

Во Франции война в Алжире до сих пор «читается как болезненная страница» недавней истории: нет единодушных воспоминаний об окончании войны, мало хороших фильмов. Она вызвала падение Четвертой республики и рождение Пятой – с новой конституцией; вступление в политику нового поколения, которое мы обнаружим в 1968 г.; расколы во французской армии, которая, считая себя победителем на местах, отказывалась от принятия политической независимости Алжира; отъезд почти миллиона «черноногих», харки и их семей в метрополию⁴.

Итак, война стала отправной точкой для двух политических систем, привела к формированию алжирской нации и переформатированию нации французской, вызвала расколы как между различными общественными группами в двух странах, так и между политическим руководством и отдельными частями обществ. Ситуация почти зеркальная.

Однако именно эта зеркальность, дающая основания говорить об общности стоящих перед Алжиром и Францией задач преодоления травм колониализма,

1 Ахмед Мессали Хадж (1898–1974) – алжирский политик, один из лидеров национально-освободительного движения, сооснователь организации «Североафриканская звезда» (1926), Партии алжирского народа (ППА) (1937) и ряда революционных организаций. См. о нем: Ланда 2005.

2 Фронт национального освобождения.

3 Алжирское национальное движение.

4 Stora 2021, 9.

казалось бы, и должна быть неприемлемой для алжирской стороны – ведь она неизбежно влечет за собой фактическое уравнивание жертвы колониализма и колонизатора.

Впрочем, при более внимательном чтении можно увидеть, что ситуация еще сложнее. Говоря об Алжире, Б. Стора сначала упоминает о страданиях местного населения от действий метрополии, а затем о репрессиях со стороны победителей по отношению к алжирскому же обществу. В то же время в случае с Францией речь идет о политическом прогрессе (становлении Пятой республики, новом политическом поколении) и о конфликтах *внутри* общества, но не между обществом и властью.

С одной стороны, Б. Стора утверждает, что войны памяти идут не только между Францией и Алжиром, но и внутри двух обществ. С другой стороны, «для большого числа французских историков основная ответственность за конфликт может заключаться в установлении очень закрытой колониальной системы, запрещавшей коренным жителям-мусульманам добиваться какого бы то ни было прогресса в правах», и речь не может идти о возложении равной ответственности на обе страны. Однако, выразив эту мысль, он тут же приводит слова алжирского историка М. Харби¹, рассуждающего о деконструкции националистической мысли, о судьбе харки и «черноногих» и считающего, что «вопрос идентичности и вопрос авторитаризма являются двумя основными проблемами, которые необходимо решить, чтобы двигаться к новому и мирному Алжиру»².

Получается, что хотя все необходимые шаги навстречу потенциальному алжирскому читателю сделаны, ничего неприятного для читателя французского не сказано: колониализм автором осужден (хотя и не от собственного имени, а от имени профессионального сообщества), но жертвы все равно две, причем алжирская сторона – жертва не только Франции, но и собственного руководства. То, что последнее утверждение вкладывается в уста алжирского историка, не только придает ему веса, но и избавляет Б. Стора от упреков в колониальном высокомерии.

Предложенная логика развивается и в следующих двух разделах – «Дорогой воспоминаний»³ и «Коммунитаризация воспоминаний»⁴, – где автор описывает, как после 1962 г. постепенно формировалось несколько различных нарративов об алжирской войне. При этом если в случае с Францией речь шла о монополизации этой памяти различными группами в условиях стремления властей «забыть» войну, то в Алжире дело выглядело иначе: «С алжирской стороны это ожесточение памяти приняло форму глобального осуждения колониальных времен без поиска конкретной ответственности групп, затронутых этой историей. Погружение во времени имело целью легитимизировать ресурсное

1 Мухаммед Харби – алжирский историк (р. 1933), участник войны за независимость, советник и член правительства А. Бен Беллы. Выступая с марксистских позиций, считал, что вооруженные народные милиции должны были революционизировать алжирское общество. После прихода к власти Х. Бумедьена был арестован и после недолгого пребывания в тюрьме помещен под домашний арест, откуда по поддельному турецкому паспорту бежал в Тунис и затем во Францию, где преподавал в Парижском университете. Автор десятка монографий по истории ФНО и войны за независимость и мемуаров. См.: Harbi 2001.

2 Stora 2021, 9.

3 Ibid., 9–12.

4 Ibid., 12–16.

использование идентичности, в основном религиозной. Политическая неподвижность после прихода к власти А. Бутефлики, политический и общественный исламизм, социальная неустроенность – все способствовало этому возврату к неонационализму, основанному на этнорелигиозной базе. Война за независимость Алжира, казалось, никогда не закончится, поскольку стала неиссякаемым резервуаром аргументов для политических игр современности»¹.

Таким образом, раннее прочтение войны как фактора легитимизации алжирского политического режима далее раскрывается напрямую не для того, чтобы объяснить значимость исторической памяти для одной из сторон, а чтобы имплицитно осудить алжирские элиты, фактически лишившие общество права на собственные воспоминания о войне. На таком фоне французские власти кажутся пусть и слабыми со своим стремлением «забыть», но все же более человечными – они никогда не лишали общество возможности вспоминать.

Вполне логичным оказывается переход от этого тезиса к анализу историографии. Поскольку весь доклад направлен на то, чтобы описать именно французское видение проблемы, Б. Стора посвящает несколько страниц текста² анализу ключевых, с его точки зрения, работ об алжирской войне, опубликованных после 1962 г. именно во Франции, игнорируя алжирскую историографию. Общая тенденция в описываемом им процессе состоит в постепенной либерализации воспоминаний, расширении возможностей более свободной дискуссии об исторической памяти. При этом в этой дискуссии постепенно выявляется ключевая проблема: «Понимание кровавой спирали алжирской войны требует возвращения к истокам этой конкретной последовательности: колонизации... На одной и той же очень обширной исторической территории постепенно возникли две вообразимые картины, породившие два разных национализма. Для европейцев, которые в большом количестве приезжали из материковой Франции, Испании и Италии на протяжении XIX в., должен был сформироваться и укорениться обострившийся французский национализм. В целом французский национализм в значительной степени был построен на завоеваниях колониальной империи, идее Великой Франции, стремящейся принести ценности цивилизаторской миссии. Для алжирцев, наоборот, особенно после Первой мировой войны, к сельскому патриотизму защиты от чужеземных стран добавится национализм завоевания утраченного суверенитета»³.

Справедливо отмечая зеркальность двух национализмов, сформированных в колониальную эпоху, автор словно снова возвращается к главной своей идее о параллелизме французской и алжирской историй памяти, хотя и вновь умалчивает о важнейшем расхождении между ними – они построены на разных основаниях. Французский нарратив, как он представлен в докладе, посвящен истории заселения словно бы пустых земель, на которые европейцы приносят свет цивилизации. При этом национальное единство скрепляется представлениями об общеевропейских христианских ценностях, замечательном прошлом (Римская империя) и прекрасном прогрессивном будущем. Алжирский же нарратив осно-

1 Stora 2021, 13.

2 Ibid., 16–23.

3 Ibid., 23–24.

ван исключительно на переживании утраты былого величия и чувстве унижения со стороны чужеземцев.

Вновь проявляется авторский прием – упомянуть все необходимое, но так, чтобы избежать разговора об ответственности. Вполне естественным при таком подходе становится и важнейший для этой части доклада вывод: «Из-за создания этого националистического воображения, такого мощного и такого разного, трудно представить себе реализацию франко-алжирского школьного учебника (по образцу, о котором мечтали, франко-немецкого), способного создать общую историю»¹.

Словно подтверждая эту невозможность общего прочтения истории, Б. Сто-ра посвящает последний раздел этой части доклада тем группам, которые, несмотря на все различия между двумя картинами прошлого, могли бы выступать своеобразными связующими звеньями между двумя странами: религиозным католическим деятелям, самоотверженно выполнявшим гуманитарные миссии во время войны; еврейской общине Алжира, которая потом была исключена из любого проекта будущего страны, строившейся только для мусульман; французской армии; алжирским иммигрантам во Франции. При том что личные трагедии и подвиги многих упоминаемых в этом разделе людей не вызывают никакого сомнения, очевидная проблема состоит в том, что практически все эти группы неприемлемы для алжирской стороны. Более того, они становятся «воображаемыми» мостами, потому что были изгнаны по тем или иным причинам из Алжира, и, соответственно, связывают Францию не с современным Алжиром, а со страной своего прошлого.

Часть вторая: *en français*

Вторая часть доклада, хотя и называется «Отношения Франции с Алжиром», в реальности посвящена скорее отношению французского руководства к Алжиру. Повторяя некоторые уже высказанные ранее идеи (о стремлении французских властей «забыть» войну в XX в., о попытках Алжира выстроить единый однородный нарратив о войне), автор реконструирует трансформацию «алжирской проблемы» во французской политике после 1962 г. и, за исключением двух коротких фрагментов на с. 48–50², к алжирскому видению проблемы не обращается.

В описании же французского подхода обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, в самом начале Б. Сто-ра указывает, что вопрос об Алжире во французском общественном сознании плотно связан с отношением к Ш. де Голлю³, отказ которого от «французского Алжира» рассматривался (и рассматривается) как предательство различными группами населения – и «черноногими», и харки, и частью армии. Вместе с тем, как здесь же отмечает автор, именно Ш. де Голль сумел перехватить дискурс неприсоединения и антиколониализма, воспользовавшись уходом из Алжира, – этой теме были посвящены его многочисленные выступления в Мексике, Канаде, Вьетнаме и других странах.

1 Stora 2021, 25.

2 Ibid., 48–50.

3 Ibid., 36–37.

Эта мысль – о значимости французского голоса не только для колониальной системы, но и для антиколониального движения – будет звучать и на следующих страницах доклада, однако именно здесь она заявлена впервые.

Во-вторых, деятельность последующих трех президентов – Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстена, Ф. Миттерана – практически не удостоивается внимания, за исключением упоминания попыток реабилитации некоторых ультраправых деятелей времен алжирской войны при Ф. Миттеране и распространения антирасистского движения в стране¹.

Довольно пристального внимания удостоивается деятельность Ж. Ширака. Именно при нем в 1999 г. Национальное собрание Франции начало называть алжирские события войной, не решившись, впрочем, обозначить их как «войну в Алжире» (*guerre en Algérie*), что означало бы противостояние двух равных сторон, ограничившись компромиссной формулой «алжирской войны» (*guerre d'Algérie*), предполагавшей возможность интерпретации конфликта как гражданского противостояния². Тогда же наметилась некоторая активизация гражданского общества, проявившаяся в появлении памятных дней (День памяти и скорби о гражданских и военных жертвах Алжирской войны и сражений в Тунисе и в Марокко – 19 марта, День памяти харки – 25 сентября, День павших за Францию в войнах в Алжире, в Марокко и в Тунисе – 5 декабря) и монументов, посвященных жертвам среди французских солдат и харки. Наконец, в 2003 г. во время визита в Алжир Ж. Ширак призывает «уважать всех жертв войны: как борцов за независимость, так и тех, кому пришлось отправиться в изгнание, европейцев и харки»³.

Развивая эту тему и обращаясь к деятельности последующих глав государства, Б. Стора обращает внимание на сопротивление, которое встречала проводившаяся ими политика памяти. Здесь и принятие в 2005 г. закона № 2005-158⁴, в ст. 4 которого говорилось о позитивных аспектах колониализма («Школьные программы признают, в частности, положительную роль французского присутствия за границей, особенно в Северной Африке, и отводят истории и жертвам среди французских военных на этих территориях то видное место, которого они заслуживают»). В 2006 г. статья была отменена⁵ под давлением упорного сопротивления историков и юристов. Также здесь несколько несостоявшихся проектов создания музеев и мемориалов, в том числе проект музея истории Франции и Алжира в Монпелье 2012 г.; резкая критика ультраправыми Ф. Олланда, попытавшегося сделать 19 августа днем памяти всех жертв алжирской войны. Формально ссылаясь на то, что подписание Эвианских соглашений само по себе не положило конец кровопролитию в Алжире, критики Ф. Олланда одновременно

1 Stora 2021, 40–41.

2 Ibid., 42.

3 Ibid., 45.

4 “Loi n°2005–158 du 23 février 2005 portant reconnaissance de la Nation et contribution nationale en faveur des Français rapatriés (Law n°2005–158 of February 23, 2005 Recognizing the Nation and National Contribution in Favor of Repatriated French),” Legifrance, December 31, 2018, accessed May 2, 2023, <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000444898/#:~:text=La%20Nation%20exprime%20sa%20reconnaissance,ant%C3%A9rieurement%20sous%20la%20souverainet%C3%A9%20fran%C3%A7aise.>

5 “Décret n°2006-160 du 15 février 2006 portant abrogation du deuxième alinéa de l'article 4 de la loi n° 2005–158 du 23 février 2005 portant reconnaissance de la Nation et contribution nationale en faveur des Français rapatriés (Decree n°2006–160 of February 15, 2006 Repealing the Second Paragraph of Article 4 of law n°2005–158 of February 23, 2005 Recognizing the Nation and National Contribution in Favor of Repatriated French),” Legifrance, February 16, 2006, accessed May 2, 2023, <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000264006.>

указывали на недопустимость возложения ответственности за войну на «республиканскую полицию, а вместе с ней и на всю Республику»¹.

Несмотря на напряженность всех этих дискуссий, общее движение шло к все более критическому восприятию Францией собственного колониального прошлого. В этой перспективе действия Э. Макрона, поручившего Б. Стора подготовить рассматриваемый доклад, представляются самому Б. Стору просто провальными. Признание французским президентом похищения, пыток и убийства считавшегося ранее пропавшим без вести М. Одана² «знаменует собой порог ответственности французского государства в ведении алжирской войны. В самом деле, эта декларация по поводу “Дела Одана” говорит о *системе* [курсив Б. Стора – В.К., А.В.], установленной в пользу “Особых полномочий”³... Эммануэль Макрон, первый президент Франции, родившийся после окончания войны в Алжире, хочет атаковать “семейные тайны”, которые до сих пор разъедают французское общество, как “яд”. Он объявляет открытие архивов алжирской войны о тысячах пропавших без вести и обращается к свидетелям, которые никогда бы не выступили. Помимо случая с Морисом Оданом, подчеркивает Елисейский дворец, цель состоит в том, чтобы продвигать работу историков и предоставить семьям пропавших без вести по обе стороны Средиземного моря средства для выяснения того, что произошло в прошлом. Это, настаивает президент, касается всех: гражданских лиц, военных, алжирцев, французов»⁴.

Рисуя эту своеобразную картину, в которой вся деятельность французских лидеров и XX, и XXI вв., за исключением Ш. де Голля, становится долгой подготовкой к появлению Э. Макрона, к опыту алжирской стороны Б. Стора обращается лишь дважды.

Первый раз – говоря о Ж. Шираке. Здесь он упоминает эпизод с выступлением А. Бутефлики в Национальном собрании Франции⁵ 14 июня 2000 г. Признавая вклад колониализма в модернизацию, в этой речи алжирский президент возлагает на колонизаторов неизбывную вину за угнетение и отвержение алжирцев, призывает к признанию вины французской стороной и одновременно приветствует предпринятые Парижем шаги: «Нельзя игнорировать колониальный факт. Нарушаете ли вы забвение недосказанностей алжирской войны, называя ее своим именем, или же ваши образовательные учреждения пытаются исправить школьные учебники, содержащие в себе подчас искаженное изображение некоторых эпизодов “колонизации” – все это становится воодушевляющим вкладом в дело истины, привнесенным во имя великого исторического знания и дела справедливости среди людей»⁶.

1 Stora 2021, 54.

2 Морис Одан (1932–1957) – французский математик, преподаватель Алжирского университета, член алжирской коммунистической партии, активно поддерживал ФНО во время войны, участвовал в нескольких операциях. 11 июня 1957 г. был арестован, подвергался пыткам. Считался пропавшим без вести. Его именем названа одна из площадей в центре Алжира. См.: Vidal-Naquet 1989.

3 Имеется в виду принятый в 1956 г. декрет французского правительства, согласно которому на территории Алжира армия получала полномочия полиции, вводилось тотальное применение военной юстиции, приостанавливалось действие личных свобод. См.: Thénault 2013.

4 Stora 2021, 58.

5 “Discours du président algérien Abdelaziz Bouteflika devant l’Assemblée nationale en 2000 (Algerian President Abdelaziz Bouteflika’s Speech to the National Assembly in 2000),” Lumni, May 29, 2018, accessed May 9, 2023, <https://enseignants.lumni.fr/fiche-media/00000001885/discours-du-president-algerien-abdelaziz-bouteflika-devant-l-assemblee-nationale-en-2000.html>.

6 Stora 2021, 48.

Во втором эпизоде говорится о нарушении установившейся в независимом Алжире государственной монополии на память о прошлом. В ходе протестных движений 2000-х и 2019 гг. представители молодого поколения алжирцев требовали вернуть в публичное пространство страны фактически вычеркнутые из официального дискурса имена национальных лидеров, например, М. Хаджа, Ф. Аббаса¹, А. Рамдана²: «Кто убил алжирского лидера ФНО Абана Рамдана? (Фактически он был убит своими товарищами по ФНО в Марокко в декабре 1957 г. прим. автора). Кто несет ответственность за смерть 374 жителей Мелузы, подозреваемых в симпатиях к мессалистам, 28 мая 1957 года? Эта бойня поднимает вопросы об истоках, характере насилия, охватившего Алжир в 1990-х гг. – государство борется за сохранение монополии на написание истории. В полемике... задача состоит в том, чтобы позволить актерам, особенно молодым людям, обрести прошлое, которое ускользнуло от них... Школьные учебники меняются с появлением новых фигур, давно скрытых от официальной истории, таких как К. Белкасем (исторический лидер ФНО, подписавший акт о независимости в соответствии с Эвианскими соглашениями, убитый в 1970 г. прим. автора) или М. Будиаф (также центральная фигура, двадцать восемь лет проживший в изгнании в Марокко и убитый вскоре после своего возвращения и назначения главой государства в 1992 г. прим. автора)».

Два описанных фрагмента доклада, посвященных Алжиру, направлены на несколько вещей. Первый из них, по сути, подкрепляет позитивную оценку инициатив, предпринятых Ж. Шираком. Второй же, с одной стороны, еще раз свидетельствует о параллелизме процессов, связанных с исторической памятью, протекавших во французском и алжирском обществах (в обоих случаях речь шла о снятии покрова забвения с прошлого), а с другой – демонстрирует все же некоторое моральное превосходство французской политической системы. В самом деле, если во Франции просвещенные лидеры шли по пути все большего движения к исторической правде, преодолевая сопротивление отдельных общественных групп, то в Алжире по этому пути пошло как раз общество, сумевшее оказать достаточное давление на манипулятивные политические элиты.

Часть третья: ...и что делать?

Третья часть доклада посвящена наиболее значимым, с точки зрения Б. Стора, практическим вопросам, препятствующим преодолению негативного наследия исторической памяти. В основном речь идет о четырех проблемах, отобранных автором, кажется, более или менее произвольно (по крайней мере, предыдущий текст никоим образом на них не указывает): принадлежность перевезенных во Францию архивов, связанных с историей Алжира; информация о пропавших без вести; оценка колониализма и визуальное отражение историче-

1 Фархат Аббас (1899–1985) – один из лидеров алжирского национально-освободительного движения, основатель нескольких освободительных организаций, глава Временного правительства Алжирской Республики (1958–1961), считается первым главой государства Алжира. С 1963 г. и до конца жизни находился в оппозиции. При А. Бен Белле и Х. Бумедьене несколько раз был арестован. См.: Ланда 2004.

2 Абан Рамдан (1920–1957) – активист ППА, с конца 1940-х гг. – один из лидеров партии, член ее силового крыла (Специальной организации), в 1950–1955 гг. находился в заключении, подвергался пыткам. В 1955 г. стал инициатором создания ФНО и Конгресса в Суммаме, где была создана АНО. Был убит соратниками по ФНО.

ской памяти. Кроме того, упоминаются автором и некоторые другие проблемные вопросы: оценка ядерных испытаний, проводившихся Францией на сахарских территориях Алжира в 1960 и 1966 гг.; охрана европейских и еврейских кладбищ в Алжире; переводы и переиздания произведений, посвященных рассматриваемой проблеме; сотрудничество в деле оцифровки и сохранения архивов; необходимость подготовки специалистов по истории колониализма.

Описывая противоречия между странами по каждому из вопросов, Б. Стора предлагает и некоторые решения. Так, в случае с хранящимися во Франции алжирскими архивами Париж делит их на относящиеся к «суверенитету», возвращение которых в Алжир не обсуждается, и относящиеся к «госуправлению», которые теоретически могут быть возвращены, но как отделить одни от других – неизвестно, тем более что значительная их часть засекречена. Проблема, по мнению Б. Стора, могла бы частично решаться через рассекречивание документов до 1962 г. и межуниверситетское сотрудничество: «Я предлагаю, чтобы Франция каждый год предоставляла десяти исследователям, работающим в алжирской университетской системе над диссертациями по истории колониального Алжира и войны за независимость, возможность проводить исследования в архивах Франции», обеспечивая аспирантов необходимыми визами и оказывая материальную поддержку. Такая же процедура возможна и для алжирской стороны¹.

Касательно информации о пропавших без вести предлагается сотрудничество ученых двух стран в составлении своеобразного путеводителя по архивам, относящимся к судьбам этих людей. В случае с визуальным отражением исторической памяти речь идет о совместном кинопроизводстве – в частности, о создании фильма об Абделькадире – «воине, противостоявшем французскому присутствию; мусульманском ученом, поэте и философе; эрудите, проникнутом французской рациональностью»².

Если по трем обозначенным вопросам при всех противоречиях между сторонами оказывается возможным найти некие компромиссные и как бы технические решения, то в случае с оценкой колониализма дело обстоит иначе: проблема покаяния или признания Францией ответственности за совершенные преступления стоит уже не первый год. Разумеется, автор доклада не может сказать, что подобные шаги со стороны Парижа немыслимы прежде всего в силу внутривнутриполитической ситуации во Франции, где каждые президентские выборы демонстрируют усиление позиций ультраправых сил. Поэтому он находит остроумный вариант и, ссылаясь на опыт японо-китайско-корейских отношений, в которых официальные извинения не принесли никаких плодов, утверждает, что эти извинения попросту не нужны: «...Извинений, а не только признания массовых убийств, недостаточно, чтобы успокоить раненые воспоминания... отбросить стереотипы, расизм... Прежде всего важно стремиться к познанию того, чем была колониальная система с ее повседневной реальностью и идеологическими целями, алжирским и французским сопротивлением этой системе господства»³.

1 Stora 2021, 68.

2 Ibid., 76.

3 Ibid., 79–82.

Завершая этот обзор проблем, Б. Стора возвращается к сюжету, ранее затронутому им лишь фрагментарно – к огромной роли Франции не только в истории колониализма, но и в истории антиколониальной борьбы: «...Имена и судьбы тех, кто отказался от колониальной системы, должны быть доведены до сведения молодого поколения, чтобы мы могли выйти за пределы отдельных, коммунистических воспоминаний. В этом движении также необходимо будет упомянуть тот факт, что именно в Париже преподаватель и будущий сенатор Алиун Диоп создал в 1949 году журнал *Présence Africaine* и связанное с ним издательство для борьбы с расизмом и колониализмом. Именно в Париже в 1956 году, в разгар алжирской войны, состоялся первый Конгресс африканских писателей и художников, на котором присутствовал Франц Фанон, неутомимый борец за независимость Алжира. Его организаторы описывают этот Конгресс как культурный Бандунг, имея в виду великую Афро-Азиатскую конференцию, которая в апреле 1955 года осудила колониализм и империализм»¹. Анализ проблем в двусторонних отношениях весьма изящно завершается новым утверждением величия Франции, на этот раз сделанным через обращение к ее левой интеллектуальной и политической традиции.

Переходя к заключительной части доклада, Б. Стора выдвигает еще некоторые вполне практические инициативы (признание известных по источникам, но ранее официально не признававшихся фактов убийств ряда алжирских и французских деятелей во время войны; перезахоронение останков; возвращение некоторых символических объектов (например, пушки «Баба Марзуг»²)³. Однако более значимо, что здесь он формулирует общий подход, придерживаясь которого необходимо двум сторонам: «Цель состоит не в том, чтобы написать общую историю, а в том, чтобы попытаться вместе объяснить колониализм, не полагая, будто все может быть решено неким окончательным вердиктом»⁴.

Наконец, последний раздел доклада содержит в себе порядка трех десятков вполне конкретных рекомендаций (частично они повторяют уже описанные ранее). Некоторые из них носят довольно бюрократический характер и сводятся к созданию разного рода комиссий и рабочих групп, в том числе по разминированию и установлению мест проведения ядерных испытаний и более общей двусторонней комиссии «памяти и истины». Другие касаются символической политики – установления дней памяти, возвращения в Алжир имеющих особую ценность для алжирской стороны артефактов. Третьи связаны с различными аспектами деятельности по идентификации останков жертв войны и сохранению мест захоронения погибших. Четвертые – с созданием музеев и мемориалов. Пятые – с интенсификацией академического и образовательного сотрудничества, созданием специальной книжной серии и фонда для поддержки переводов, пересмотром преподавания истории французской политики в Алжире в школьных учебниках с тем, чтобы она рассматривалась в контексте колониализма. Наконец, шестые – с облегчением визового режима для перемещения между двумя странами харки и их потомков.

1 Stora 2021, 86.

2 Баба Марзуг (ар. Отец удачи), или *La Consulaire* – 7-метровая пушка, с XVI в. защищавшая гавань г. Алжира. Была захвачена французами в 1830 г. и в 1833 г. установлена на гранитном пьедестале в г. Брест. С 1990-х гг. алжирская сторона периодически требует ее возвращения.

3 Stora 2021, 90–91.

4 Stora 2021, 92.

Выдвинутые Б. Стора рекомендации производят, откровенно говоря, смешанное впечатление. С одной стороны, по большей части они очень предметны и вполне реализуемы на практике – автор предлагает целый ряд довольно ярких действий, к тому же вряд ли излишне обременительных для французского правительства в моральном или материальном отношении, но способных произвести серьезный медийный эффект и, конечно, сильное впечатление как на алжирское общество, так и на сочувствующую ему часть общества французского. Особенно конкретны при этом те шаги, которые непосредственно связаны с профессиональными компетенциями автора (академический обмен, музейное дело).

С другой стороны, наиболее важные рекомендации, предполагающие системное изменение ситуации, автором либо вовсе не выдвигаются (как идея извинений перед Алжиром или общего учебника истории), либо носят совершенно обобщенный и не прикладной характер – облегчение передвижений харки, изменение школьной программы. Вероятно, именно поэтому доклад Б. Стора вызвал столь противоречивую реакцию публики.

Дискуссия о докладе

Вполне ожидаемо, что алжирская сторона отреагировала на него негативно. Представитель президента А. Теббуна А. Бельхимер назвал документ «необъективным» и уравнивающим «жертву и палача»¹, в то время как директор национальных архивов А. Шихи, имя которого фигурирует в длинном списке благодарностей к докладу и который, как предполагалось, должен был выступить автором аналогичного алжирского документа, сказал, что поскольку доклад Б. Стора не был представлен алжирской стороне официально, он для нее словно не существует². Комментируя эти слова, французский историк Ж. Мансерон напишет: «Мы почти вернулись к тому времени, когда советские руководители начала десталинизации отрицали подлинность доклада, представленного Н. Хрущевым XX съезду, текст которого разошелся по всему миру, называя его докладом, “приписываемым товарищу Хрущеву”»³.

Ситуация усугубилась к осени 2021 г., когда сентябрьские скандальные заявления французского президента о «военно-политической системе» Алжира, «живущего за счет ренты памяти»⁴, повлекли за собой острый дипломатический кризис, заставивший в конечном счете Э. Макрона взять свои слова обратно.

Тем не менее к лету 2022 г. ситуация несколько разрядилась. В июле во время празднований шестидесятой годовщины независимости страны А. Теббун принял

- 1 “Algérie: le rapport Stora qualifié de ‘non objectif’ par le gouvernement algérien (Algeria: the Stora’s Report Described as ‘not Objective’ by the Algerian Government),” TV5 Monde, February 18, 2021, accessed May 3, 2023, <https://information.tv5monde.com/international/algerie-le-rapport-stora-qualifie-de-non-objectif-par-le-gouvernement-algerien-36317>.
- 2 “Pour Alger, c’est comme si le rapport Stora sur la réconciliation des mémoires entre la France et l’Algérie n’existait pas (For Algiers, it is as if the Stora’s Report on the Reconciliation of Memories Between France and Algeria did not exist),” Le Monde, March 24, 2021, accessed May 2, 2023, <https://histegeodgab.files.wordpress.com/2021/03/lm-240321-pour-alger-cest-comme-si-le-rapport-stora-sur-la-reconciliation-des-memoires-entre-la-france-et-lalgerie-nexistait-pas-.pdf>.
- 3 “Des réactions de la part d’historiens en France au rapport de Benjamin Stora (Reactions from Historians in France to Benjamin Stora’s Report),” Histoire coloniale et postcoloniale, February 7, 2021, accessed May 1, 2023, <https://histoirecoloniale.net/Des-reactions-de-la-part-d-historiens-en-France-au-rapport-de-Benjamin-Stora.html>.
- 4 Anne Guion, “Les propos de Macron sur le ‘système politico-militaire’ rallument les braises entre l’Algérie et la France (Macron’s Comments on the ‘Politico-Military System’ Reignite the Embers Between Algeria and France),” La Vie, October 7, 2021, accessed May 4, 2023, <https://www.lavie.fr/actualite/geopolitique/les-propos-de-macron-sur-le-systeme-politico-militaire-rallument-les-braises-entre-lalgerie-et-la-france-78260.php>.

Б. Стора, посетившего Алжир, по словам историка, вовсе не для того, чтобы сгладить негативный эффект от резких заявлений Э. Макрона. В ходе встречи, прошедшей в условиях очередной нормализации отношений, А. Теббун попросил своего гостя «провести “работу над общей памятью” обо всем французском колониальном периоде в Алжире»¹, не ограничиваясь лишь периодом войны за независимость. А вскоре вслед за этим начался и процесс формирования двусторонней комиссии историков, создание которой было предложено в докладе. В январе 2023 г. журнал *Jeune Afrique* опубликовал список вошедших в нее исследователей².

Если публичная алжирская реакция на доклад была в значительной степени обусловлена вполне ожидаемым неприятием его умеренности и политическим контекстом, то дискуссия во французском профессиональном сообществе исследователей оказалась более содержательной и эмоциональной. Большинство увидевших свет откликов делятся на две группы – умеренных сторонников и резких противников Б. Стора.

На портале «Колониальная и постколониальная история» уже 7 февраля 2021 г., спустя немногим более двух недель после официального представления доклада президенту, вышла статья³, в которой были собраны отзывы на доклад нескольких историков колониализма.

Наиболее содержательным из них представляется текст Ж. Мансерона, автора многочисленных работ по колониальной истории Франции и члена ЦК Лиги прав человека. Приветствуя попытку Б. Стора вернуть французам «искаженную стереотипами память об алжирской войне» и утверждая, что ни один президент Республики до Э. Макрона не решался обратиться к мемориальному вопросу с такой же прямотой, он обращает внимание, что сначала становление в независимом Алжире жесткого авторитаризма, а затем драматичные события 1990-х гг. поселили во французском обществе уверенность в правоте тех групп, которые выступали против деколонизации в середине XX в. Значительная заслуга Б. Стора состоит в реконструкции медленной эволюции проблемы отношения к алжирской войне во французском обществе.

Значительного внимания в этом тексте удостоивается поднятая в докладе проблема с «раскаянием» Франции. Говоря о том, что Б. Стора отвергает использование этого понятия, «как почти все историки», он обращается к сложности политического контекста публикации доклада. По словам Ж. Мансерона, идея «покаяния» получила развитие во французском политическом дискурсе вовсе не по инициативе левых или тем более алжирцев, как это могло бы показаться, а в результате пропаганды правых, ностальгировавших по эпохе колониализма. Именно они в свое время стали утверждать невозможность какого бы то ни было покаяния, которого на деле от них никто и не требовал, – их противники

1 “Аль-мауарих аль-фарансий Стора якшифу муктаракан ли-раис Аль-Джазаир хауала аз-закира (French Historian Stora Reveals a Proposal to the Algerian President About Memory),” *Аль-минаса*, July 10, 2022, accessed May 2, 2023, <https://www.alminasapress.com/news1398788>.

2 Farid Allat, “Commission Mixte Algérie–France : les noms des dix historiens enfin connus (Joint Algeria–France Commission: the Names of the ten Historians finally known),” *Jeune Afrique*, January 30, 2023, accessed May 1, 2023, <https://www.jeuneafrique.com/1413392/politique/commission-mixte-algerie-france-les-noms-des-dix-historiens-enfin-connus/>.

3 “Des réactions de la part d'historiens en France au rapport de Benjamin Stora (Reactions from Historians in France to Benjamin Stora's Report),” *Histoire coloniale et postcoloniale*, February 7, 2021, accessed May 1, 2023, <https://histoirecoloniale.net/Des-reactions-de-la-part-d-historiens-en-France-au-rapport-de-Benjamin-Stora.html>.

говорили не о покаянии, а о признании военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных Францией в Алжире.

В этой ситуации, и тем более когда правые политические силы во Франции от выборов к выборам демонстрируют совершенно не снижающуюся популярность, Б. Стора избрал прагматичный подход, при котором «вместо того, чтобы выражать определенные идеи, к которым он лично привязан, но которые не имеют шансов быть сохраненными в нынешнем французском политическом контексте, искал то, что могло бы быть эффективным». Отсюда – определенная скромность предлагаемых им мер, которые тем не менее «имплицитно содержат в себе» требование признания Францией ответственности¹.

Авторы других хвалебных отзывов хотя и отмечают подчас политическую нереализуемость некоторых системных предложений Б. Стора, все же отдают дань и фундированности доклада, и прагматизму его автора, сумевшего в очень непростой политической ситуации все же предложить вполне реальные шаги, которые должны в конечном счете помочь двум странам продвинуться на пути примирения². Если сторонники Б. Стора хвалят его за прагматизм, то противники (в основном – арабисты и специалисты по колониальному Алжиру) критикуют за политический оппортунизм и нарушение профессиональной этики.

Так, известнейший исламовед Ф. Бюрга отреагировал на доклад резкой статьей: «Доклад Стора – Франция вновь отрицает историю Алжира»³. В ней он обвиняет автора в том, что в нем советник президента победил историка, в результате чего весь предложенный им текст оказался направлен на то, чтобы не разозлить правый спектр президентского электората. Отсюда – повторенный вслед за самим Э. Макроном решительный отказ от каких бы то ни было извинений Франции, отсюда же – стремление поставить на одну доску системное насилие, которому подвергалось население Алжира на протяжении 132 лет, с периодическими вспышками сопротивления и контрнасилия. Отсюда же, наконец, – замалчивание конкретных данных о преступлениях, совершенных колонизаторами, массово уничтожавшими местное население. Все эти манипуляции, с точки зрения Ф. Бюрга, объясняются одним единственным и очень простым обстоятельством: к моменту публикации доклада Э. Макрон, прежде всего, был озабочен завоеванием поддержки правого электората на выборах 2022 г., явным проявлением чего стала его речь 2 октября 2020 г. о предотвращении «мульманского сепаратизма»⁴.

1 “Des réactions de la part d'historiens en France au rapport de Benjamin Stora (Reactions from Historians in France to Benjamin Stora's Report),” *Histoire coloniale et postcoloniale*, February 7, 2021, accessed May 1, 2023, <https://histoirecoloniale.net/Des-reactions-de-la-part-d-historiens-en-France-au-rapport-de-Benjamin-Stora.html>.

2 “Dense et riche, le rapport Stora peut permettre d'aller au-delà du conflit franco-algérien (Dense and Rich, the Stora's Report can make it Possible to go Beyond the Franco-Algerian Conflict),” *Liberation*, January 20, 2021, accessed May 1, 2023, https://www.liberation.fr/debats/2021/01/20/dense-et-riche-le-rapport-stora-peut-permettre-d-aller-au-dela-du-conflit-franco-algerien_1818082/; Malika Rahal, “Guerre d'Algérie : 'Nommer les victimes de la disparition forcée vaudrait réparation symbolique’ (Algerian War ‘Naming the Victims of Enforced Disappearance would be Worth Symbolic Reparation),” February 5, 2021, accessed May 5, 2023, https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/02/05/guerre-d-algerie-nommer-les-victimes-de-la-disparition-forcee-vaudrait-reparation-symbolique_6068854_3232.html; Samia Lokmane Khelil, “Tramor Quemeneur, historien: ‘Il est difficile de parvenir à un apaisement complet des mémoires’ (Tramor Quemeneur, Historian‘It is difficult to Achieve a Complete Appeasement of Memories),” February 6, 2021, accessed May 3, 2023, <https://www.liberte-algerie.com/actualite/il-est-difficile-de-parvenir-a-un-apaisement-complet-des-memoires-353638?fbclid=IwAR39Pjrlb-VSu1Z-O1aUyMunxSPPW7eT9cOFctc79C-me8CTGetwno2hWRIA#.YB8puSK6WNM.facebook>.

3 Francois Burgat, “ANALYSIS – Stora Report: France Denies Algerian History once Again,” February 17, 2021, accessed May 1, 2023, <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-stora-report-france-denies-algerian-history-once-again/2148554>.

4 Ibid.

В тех же тонах выдержана и не без сарказма написанная статья историка Алжира О. Ле Гранд Мэзона, отмечающего, что доклад должен рассматриваться не как историографический текст, но исключительно как текст политический, чего не мог не понимать его автор. Совпадая с Ф. Бюрга в основной своей аргументации, он, кроме того, обращает внимание на использование Б. Стора «правого» вокабуляра при описании колониализма и опасности национального раскола во Франции и практически полный его отказ от использования таких понятий, как «военные преступления» или «преступления против человечности», вместо которых используются различные эвфемизмы. Интересно, что последнее понятие упоминается в докладе один раз, когда речь идет об интервью Э. Макрона алжирскому телеканалу *Echourouk News* в феврале 2017 г., где президент именно так обозначил колониализм. При этом в докладе не говорится, что, вернувшись во Францию, Э. Макрон от своих слов отказался.

Наконец, он обращает внимание на манипулятивность обращения к опыту Японии при разговоре о покаянии или извинениях – ведь есть множество гораздо более близких примеров, когда государства признавали вину за совершенные ими преступления: Германия в случае с Юго-Западной Африкой; Великобритания в случае с Кенией; США, Новая Зеландия, Канада и Австралия в случае с коренными народами¹.

Несколько выбивается из ряда критиков С. Тэно, директор по исследованиям *CNRS*. В ее анализе подчеркиваются две слабости текста Б. Стора. Во-первых, в результате персонификации Франции и Алжира, содержащейся уже в самом названии доклада и далее прослеживающейся во всем тексте, отношения между двумя странами предстают в изображении автора чем-то подобным отношениям между людьми. Отсюда использование многих эмоциональных и трудноопределимых понятий.

Во-вторых, библиография доклада основана почти исключительно на французских публикациях начала 2000-х гг. Англо-саксонская историография полностью отсутствует, хотя она могла бы помочь посмотреть на проблему извне. Кроме того, обогащение библиографии даже французскими работами последних лет позволило бы показать, что ни о каком герметическом единстве воспоминаний отдельных групп населения (то, что Б. Стора называет коммунитаризацией памяти) речи идти не может – в каждой из них присутствует широкий спектр отношений к прошлому. Наконец, подходы к прошлому алжирской стороны изображаются так, словно во Франции есть общество, а в Алжире только государство. Обращение к этим разным историографическим материалам заставило бы автора отказаться от его ключевого тезиса о «войне памяти», придуманного во Франции. Да и само понятие памяти устарело и не может служить инструментом анализа – оно лишь психологизирует сложную реальность, препятствуя ее изучению².

1 Olivier Le Cour Grandmaison, "Sur le rapport de Benjamin Stora: le conseiller contre l'historien (On the Report of Benjamin Stora: the Adviser Against the Historian)," *Le Club de Mediapart*, January 28, 2021, accessed May 7, 2023, <https://blogs.mediapart.fr/olivier-le-cour-grandmaison/blog/280121/sur-le-rapport-de-benjamin-stora-le-conseiller-contre-l-historien>; Аргументы Ф. Бюрга и О. Ле Гранд Мэзона повторяет и Саид Буамама: Saïd Bouamama, "La signification politique et idéologique du Rapport de Benjamin Stora. On ne dépasse jamais une page d'histoire sans la lire jusqu'à la dernière ligne (The Political and Ideological Significance of Benjamin Stora's Report. We never go Beyond a Page of History Without Reading it to the Last Line)," February 6, 2021, accessed May 2, 2023, <https://bouamamas.wordpress.com/2021/02/06/la-signification-politique-et-ideologique-du-rapport-de-benjamin-stora-on-ne-depasse-jamais-une-page-d-histoire-sans-la-lire-jusqu-a-la-derniere-ligne/>.

2 Thénault 2021.

Выводы

Как можно видеть и по самому докладу Б. Стора, и по последовавшим за его публикацией дискуссиям, проблема памяти в алжиро-французских отношениях стоит очень остро. Вероятно, дело в том, что, как отмечает сам историк, алжирская война – «это не маргинальное и не периферийное событие – оно занимает центральное место в истории [Франции], но до сих пор не воспринимается как таковое... оно... замалчивается»¹.

Если оставить в стороне специфику политической ситуации, в которой был опубликован доклад (подготовка Э. Макрона к выборам 2022 г.), и наиболее конкретные вопросы двусторонних отношений (архивы, судьбы пропавших без вести), а также специфику восприятия истории в двух обществах (ответственность сторон, роли жертвы и агрессора, вопрос о покаянии), то можно увидеть одну наиболее существенную проблему, на которую не обращают внимание ни критики, ни сторонники автора.

Она состоит в сохраняющемся несмотря ни на что неравенстве восприятия сторон. И действительно, с самого начала Б. Стора пытается продемонстрировать параллелизм влияния памяти о войне на два общества. С этой целью он справедливо отмечает важность алжирской войны для формирования современных Алжира и Франции, сравнивает ее воздействие на несколько поколений населения в двух странах, говорит о ее сохраняющемся социально-политическом импульсе, воздействие которого продолжают ощущать не только двусторонние отношения, но и социальная повестка двух обществ. И все равно в рисуемой им картине выходит так, что даже в своем переживании прошлого Алжир и Франция отнюдь не равны.

Трагедия французской стороны состоит в том, что война расколола французское общество, и этот раскол сохраняется по сей день. Однако в нем, по сути, никто не виноват. Не зря на первой же странице текста Б. Стора цитирует Р. Драи, возлагавшего вину за свой отъезд из Алжира на «иррациональность Истории, ее жестокость».

Однако в трагедии стороны алжирской, как ее описывает Б. Стора, виновные есть – и это вовсе не Франция или, по крайней мере, одна лишь Франция. Ведь трагедия эта состоит не только в жертвах, понесенных алжирским обществом за 132 года колониальных унижений и во время войны за независимость, но и в установлении по ее окончании жестокого репрессивного режима, расквитавшегося и со своими противниками, и со многими соратниками, и инструментализировавшего историческую память. Соответственно, именно на победителях – руководстве ФНО – лежит ответственность за все случившееся.

Связана ли такая читаемая в докладе интерпретация истории с тем, что этот текст писался для французских читателей, значительное число которых не готово расстаться с идеей цивилизаторской миссии Франции? Или же она связана с тем, что сам его автор – француз, осмысляющий историю при помощи все еще колониального языка?

1 Лекция Б. Стора «Франция – Алжир: раны истории» на XV Конференции арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» // Youtube. 29 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/dQODGxcj2_s (дата обращения: 09.05.2023).

Является ли, иначе говоря, взгляд на историю алжиро-французских отношений Б. Стора, ученого, 40 лет посвятившего ее изучению и никак не считающегося сторонником правых политических сил, объективирующим и потому колониальным? Является ли признаком колониального сознания демонстрируемая автором нечувствительность к тем моментам, которые – он с его опытом историка и знанием Алжира не может этого не понимать – будут либо скептически, либо болезненно восприняты в Алжире?

Или же речь идет лишь о политической игре и попытке продвинуться хоть на полшага вперед в благородном деле примирения между двумя обществами, находясь в весьма специфических политических условиях?

Ответить на эти вопросы невозможно, да в общем-то и не нужно. Достаточно быть благодарными историку за его труд. Однако эти вопросы выводят на иные и, возможно, более важные – с ними сталкивается любой ученый, затрагивающий чувствительные для общества сферы. Где заканчивается ответственность ученого и начинается ответственность гражданина, и насколько гражданские задачи, которые ставят перед собой такие ученые, допускают гибкость в вопросах профессиональной этики? Правы ли французские критики Б. Стора, обвиняющие его в недостаточном признании вины Франции – вины, с существованием которой он, судя по его академическим работам, вполне согласен? Или же правы те историки, которые считают, что такое признание попросту сделало бы неосуществимым любое движение на пути к примирению? Впрочем, все это проблемы, выходящие далеко за пределы настоящей статьи, обращенной к весьма скромному сюжету, и лежащие скорее в области морали и философии гуманитарной науки. Их актуализация сегодня, вероятно, служит одним из многочисленных свидетельств переосмысления задач гуманитарного знания в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ланда, Р.Г. Ахмед Мессали Хадж // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 47–71.

Landa, Robert G. "Ahmed Ben Messali Hadj." *Voprosy istorii*, no. 3 (2005): 47–71 [In Russian].

Ланда, Р.Г. Фархат Аббас // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 58–82.

Landa, Robert G. "Ferhat Abbas." *Voprosy istorii*, no. 9 (2004): 58–82 [In Russian].

Канинская, Г.Н. Французское общество и Алжирская война (1954–1962 гг.) // Вестник РГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 13. С. 157–175.

Kaninskaya, Galina N. "French Society and the Algerian War (1954–1962)." *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies,"* no. 13 (2014): 157–175 [In Russian].

Прусская, Е.А. «Бархатный» французский империализм (о книге Д. Тодда) // Французский ежегодник. 2021. Т. 54. С. 419–428.

Prusskaya, Evgeniya A. "Velvet' French Imperialism (On David Tosdd's Book)." *Annual of French Studies* 54, (2021): 419–428 [In Russian].

Прусская, Е.А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 31–43.

Prusskaya, Evgeniya A. "Projects of Colonization of Algeria during the Early French Occupation (1830–1834)." *Modern and Contemporary History*, no. 6 (2021): 31–43 [In Russian].

Сапронова, М.А., Орлов, В.В. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // История. 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I. <https://doi.org/10.18254/S207987840010457-1>.

Sapronova, Marina A., and Vladimir V. Orlov. "Past Colonial Heritage' in Algerian-French Relationship: Curse of the Past or Hope for the Future?" *Istoriya* 11, no. 12 (2020) [In Russian].

Adamson, Kay. "Issues of Culture and Identity in Contemporary France: The Problem of Reconciling a Colonial Past with a Present Reality." *Sociology* 40, no. 4 (2006): 627–643. <https://doi.org/10.1177/0038038506065151>.

Brazzoduro, Andrea. "Towards a Postmodern National Narrative? The Algerian War Memorial and Contemporary French Landscapes of Memory." *Memory Studies* 15, no. 4 (2019): 858–882. <https://doi.org/10.1177/1750698019863148>.

Draï, Raphaël. *Lettre au président Bouteflika sur le retour des Pieds-Noirs en Algérie*. Editions Michalon, 2000.

Drai, Raphaël. *Letter to President Bouteflika on the Return of the Blackfeet to Algeria*. Editions Michalon, 2000 [In French].

Guedj, Jérémy. "Juifs et musulmans d'Algérie en France. Cinquante ans d'exil partagé, entre mémoire, échanges et déchirements." *Hommes & Migrations*, no. 1295 (2012): 144–154. <https://doi.org/10.4000/hommesmigrations.1081>.

Guedj, Jérémy. "Jews and Muslims from Algeria in France. Fifty Years of Shared Exile, Between Memory, Exchanges and Heartbreak." *Men & Migration*, no. 1295 (2012): 144–154 [In French].

Harbi, Mohammed. *Une vie debout. Memoires politiques*. Paris: La Decouverte, 2001.

Harbi, Mohammed. *A Life on your Feet. Political Memoirs*. Paris: La Decouverte, 2001 [In French].

Issaad, Mokdad. *Genèse d'un État-Nation: l'Algérie*. Paris: L'Harmattan, 2022.

Issaad, Mokdad. *Genesis of a Nation-State: Algeria*. Paris: L'Harmattan, 2022 [In French].

Stora, Benjamin. *Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie*. Paris, 2021. <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/09/05/86b6b0ef1c2fc2540589c6d56a1ae63a65d97c.pdf>.

Stora, Benjamin. *The Memorial Questions Relating to the Colonization and the Algerian War*. Paris, 2021 [In French].

Tamburini, Francesco. "Who Controls the Past Controls the Future: How Algeria Manipulated History and Legitimated Power Using its Constitutional

Charters and Legislation." *Journal of Asian and African Studies* 57, no. 2 (2021): 226–246. <https://doi.org/10.1177/00219096211013416>.

Thénault, Sylvie. "Benjamin Stora, Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie, rapport remis au président de la République, en ligne Benjamin Stora, France-Algérie. Les passions douloureuses." *Histoire Politique*, April 13, 2021, accessed May 10, 2023.

Thénault, Sylvie. "Benjamin Stora, The Memorial Questions Concerning the Colonization and the Algerian War, Report Submitted to the President of the Republic, online Benjamin Stora, France-Algeria. Painful Passions." *Histoire Politique*, (April 13, 2021) [In French].

Thénault, Sylvie. "Justice et droit d'exception en guerre d'Algérie (1954–1962)." *Les Cahiers de la Justice* 2, no. 2 (2013): 71–81. <https://doi.org/10.3917/cdlj.1302.0071>.

Thénault, Sylvie. "Justice and the Right of Exception in the Algerian War (1954–1962)." *The Bulletin of Justice* 2, no. 2 (2013): 71–81 [In French].

Vidal-Naquet, Pierre. *L'Affaire Audin*, 1957-1978. Paris: Éditions de Minuit, 1989.

Vidal-Naquet, Pierre. *The Audin Case*, 1957-1978. Paris: Éditions de Minuit, 1989 [In French].

Сведения об авторе

Кузнецов Василий Александрович,

к.и.н., доцент Восточного факультета Государственного академического института гуманитарных наук (ГАУГН), 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26

e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Василенко Анастасия Игоревна,

преподаватель Восточного факультета Государственного академического института гуманитарных наук (ГАУГН), 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26

e-mail: avasilenkan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1027-6137

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10.05.2023.

Переработана: 13.06.2023.

Принята к публикации: 30.06.2023.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кузнецов, В.А., Василенко А.И. Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро-французских отношениях в начале 2020-х годов // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14(2). С. 73–96.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-73-96>

Reading Stora Carefully: Problems of Historical Memory in Algerian- French Relations in the Early 2020s

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the colonial past in Algerian-French relations. In the early 2020s, it gained particular urgency for three reasons. Firstly, in the context of the transformation of the global world order and the deep social cleavages that have engulfed both many Eastern and Western societies, issues of historical memory, external and internal decolonization began to come to the fore both in public discussions within individual states and in international relations. Secondly, the coming to power in France of E. Macron marked an attempt at a serious transformation of the country's foreign policy, strengthening its position in the world as a whole, and in the region of the Middle East and North Africa, in particular. Related to this were the (mostly unsuccessful) initiatives of E. Macron on the Palestinian-Israeli and Libyan settlements, the Lebanese crisis, and the resolution of accumulated contradictions with Algeria. Thirdly, A. Tebboune's coming to power in Algeria in 2019 also gave impetus to the country's foreign policy and created the conditions for revising relations with France. In these circumstances, the idea arose of preparing reports by the two sides on the possibilities of overcoming the negative colonial legacy in bilateral relations. The Algerian side did not submit the report, and the French text was prepared by B. Stora by January 2021 and caused wide response. The purpose of this article is to determine, based on the analysis of this text and the materials of the discussions that followed it, the French vision of the problem of reconciliation with Algeria. The article was written using the method of "slow reading" of the source - its main part is a detailed analysis of the report by B. Stora, followed by a review of the discussion he caused. The result of this approach is the identification of not only the widely discussed contradictions in matters of historical memory (both between Algeria and France, and within French society), but also the identification of some non-obvious problems of the French perception of this problem.

KEYWORDS

France, Algeria, colonialism, historical memory, Benjamin Stora, Algerian war of Independence, Algerian war

Author

Vasily A. Kuznetsov,

PhD (Hist.), Associate Professor, Faculty of Oriental Studies, State Academic University
for the Humanities (GAUGN)

26 Maronovskiy lane, Moscow, Russia, 119049

e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Anastasia I. Vasilenko,

Lecturer, Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN)

26 Maronovskiy lane, Moscow, Russia, 119049

e-mail: avasilenkan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1027-6137

Additional information

Received: May 10, 2023. Revised: June 13, 2023. Accepted: June 30, 2023.

Funding

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 "Historical and cultural traditions and values in the context of global history").

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kuznetsov Vasily A., and Anastasia I. Vasilenko. "Reading Stora Carefully: Problems of Historical Memory in Algerian-French Relations in the Early 2020s."
Journal of International Analytics 14, no. 2 (2023): 73–96.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-73-96>